

Саша Чёрный

СЕРЕБРЯНАЯ ЁЛКА

Новогодний подарок

СЕРЕБРЯНАЯ ЁЛКА

Саша Чёрный

РИПОД
КЛАССИК
2014

УДК 82-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-49

Художник Е. Кузнецова

Чёрный, С.
Ч-49 Серебряная ёлка / С. Чёрный ; [худ. Е. Кузнецова]. — М. : РИПОЛ
классик, 2014. — 40 с. : ил. — (Новогодний подарок).

ISBN 978-5-386-07690-0

УДК 82-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-07690-0

© Чёрный С., 2014
© Кузнецова Е., 2014
© ООО Группа Компаний «РИПОЛ
классик», 2014

I

Над чёрной прорубью дымится сизый пар.
Под валенками снег шипит и тает.
В далёкой деревушке Жучка лает,
А солнце — алый шар!
Пойдём на остров... Пышный и седой,
В озёрной белизне он спит глубоко,
Блестя заиндевевшей осокой
Над скованной водой...

II

Ёлки — беленькие свечи.
Здравствуй, дуб широкоплечий,
Очарованный старик!
Как живёшь? Озяб? Ещё бы!
У пяты — бугром сугробы,
Над челом — седой парик...
Ветер лютый и бесстыжий
Шелестит листвою рыжей,
С неба сыплется снежок...
Пусть... Весна не за горами:
Пестроглазыми цветами
Закудрявится лужок,
Понатужась, лопнут почки,
И зелёные комочки
Крикнут радостно: «Пора!»
Не ворчи... Ведь я терплю же,
У меня беда похуже:
Видишь — в валенке дыра?

III

Если взрыть снежок под ёлкою у кочки,
Под навесом зимних дымчатых небес
Ты увидишь чудо из чудес:
На бруснике изумрудные листочки!
Если их к щеке прижать нетерпеливо,
О, как нежен влажный их атлас!
Словно губы матери счастливой,
Перед сном касавшиеся нас...
Иней все берёзы запушил,
Вербы в белых-белых пышных сетках...
Спит зима на занесённых ветках,
Ветер крылья светло-синие сложил...
Горсть брусничных веток я связал в пучок,
Дома их поставлю в банку из-под мёда —
Пусть за дверью воет непогода:
На моём столе — весны клочок...

IV

«Тишина!» — шепнула белая поляна.
«Тишина!» — вздохнула, вея снегом, ель.
За стволами зыбь молочного тумана
Окаймила пухлую постель.
Переплёт теней вдоль снежного кургана...
Хлопья медленно заводят карусель,
За опушкой — тихая метель,
В небе — мутная, безбрежная нирвана...
«Тишина!» — качаясь, шепчет ель.
«Тишина!» — вздыхает белая поляна.

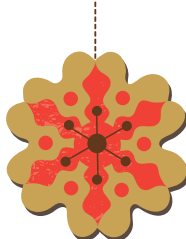

✓

Домой! Через озеро, в пышном лиловом тумане...
Над синим холмом расцвела на окошке свеча.
Вдали убегают, болтая бубенчиком, сани,
И белые мухи садятся гурьбой вдоль плеча...
Под снегом и льдом дышат сонные, тихие щуки,
Над прорубью в дымке маячит безмолвный рыбак,
А ветер играет и дует в изыбшие руки
И с визгом уносит в снега переключку собак...
Там, дома, добуду в печурке горячих картошек,
Подую на пальцы — и с солью зернистой в рот,
Раздую лучину... В сенях из-под старых лукошек
Достану салазки — и свистну у наших ворот!
Соседский Ильюшка примчится весёлою рысью, —
Ох, трудно в тулупчик рукою попасть на ходу,
Я сяду, он сядет — и с холмика тропкою лисьей
Помчимся, помчимся, помчимся, как птицы к пруду!..

ЗИМЫЙ

Снежинки-снежинки,
Седые пушинки
Летят и летят!
И дворик, и сад
Белее сметаны,
Под крышей висят
Прозрачные льдинки...
Дымятся лужайки, кусты и тропинки,
За садом молочные страны
Сквозят.
Лохматые тучи
Нахмурили лоб,
А ветер колючий
Сгребает сугроб —
Бросает снежками...
Над пухлым забором
Несётся прыжками
И белым узором
Заносит мохнатые окна и дверь
И воет, как зверь!
Вороны прозябли,
Кусты, словно грабли...
Кусает мороз —
А ветви берёз,
Как белые сабли...
То вправо, то влево
Кружусь, как волчок.
Эй, Снежная Дева!
Возьми, подыми на сквозном дирижабле
И в стае снежинок умчи за лесок!

НА КОНЬКАХ

Мчусь, как ветер, на коньках
Вдоль лесной опушки...
Рукавицы на руках,
Шапка на макушке...

Раз-два! Вот и поскользнулся...

Раз и два! Чуть не кувыркнулся...

Раз-два! Крепче на носках!

Захрустел, закричал лёд,
Ветер дует справа.
Ёлки-волки! Полный ход —
Из пруда в канаву...

Раз-два! По скользкой дорожке...

Раз и два! Весёлые ножки...

Раз-два! Вперёд и вперёд...

СНЕЖНАЯ БАБА

Воробьи в кустах дерутся,
Светит солнце, снег, как пух.
В васильковом небе вьются
Хороводы снежных мух.
Гриша – дома, у окошка.
Скучно в комнате играть!
Даже, вон, лентяйка кошка
С печки в сад ушла гулять.
Мама гладит в кухне юбку...
«Гриша, Гриша, ты куда?»
Влез он в валенки и шубку,
Шапку в руки – и айда!

Руки в тёплых рукавичках,
Под лопатой снег пищит...
Снег на лбу и на ресничках,
Снег щекочет, смех смешит...
Вырос снег копной мохнатой,
Гриша бегаёт кругом,
То бока побьёт лопатой,
То, пыхтя, катает ком...
Фу, устал. Ещё немножко!

Брови – два пучка овса,
Глазки – угли, нос – картошка,
А из ёлки – волоса.
Вот так баба! Восхищенье.
Гриша пляшет. «Ай-да-да!»
Воробьи от удивленья
Разлетелись, кто куда.

В тихой детской так тепло.
Стёкла снегом замело.
Синеглазая луна
Вылезает из окна..
Ветер прыгает по крыше...
Отчего не спится Грише?
Встал с кровати босиком
(Ай, как скользко на полу!)
И по комнате бегом
Поскорей-скорей к стеклу:
За окном – сосульки льду...
Страшно холодно в саду!
Баба, бедная, не спит,
Посинела и дрожит...

Раз! Одеться Грише – миг:

В угол – шмыг,
Взял в охапку
Кофту, дедушкину шапку,
Старый коврик с сундука,
Два платка,
Чью-то юбку из фланели.
(Что тут думать, в самом деле!)
И скорей-скорее в сад...
Через брёвна и ухабы,
Через дворницкую Шавку,
Через скользкую канавку
Добежал – и сел у бабы:
«Вот! Принёс тебе наряд...
Одевайся... Раз и раз!
Десять градусов сейчас».

Ветер смолк. В саду светло.

Гриша бабу всю закутал.
Торопился – перепутал,
Всё равно ведь ей тепло:
Будет юбка на груди
Или кофта позади...
«До свиданья! Спи теперь».
Гриша марш домой и в дверь,
Пробежал вдоль коридора,
Вмиг разделся, скоро-скоро,
И, довольный, хлоп в кровать, –
Спать!

СНЕГИРИ

На синем фоне зимнего стекла
В пустой гостиной тоненькая шведка
Склонилась над работой у стола,
Как тихая, наказанная детка.

Суровый холст от алых снегирей
И палевых снопов – так странно мягко-нежен,
Морозный ветер дует из дверей,
Простор за стёклами однообразно-снежен,
Зловеще-холодно растёт седая мгла.
Немые сосны даль околдовали.
О снегири, где милая весна?..

Из длинных пальцев падает игла,
Глаза за скалы робко убежали.
Кружатся хлопья. Ветер. Тишина.

СОЧЕЛЬНИК В ПСКОВЕ

Сугробы в дымчатой чалме
Встают буграми в переулке —
И ветер, радостный и гулкий,
Взвевает хлопья в сизой тьме.

Дома молчат,
Сквозистый сад

Пушистым инеем окован...
Закат, румянцем зачарован,
Раскинул тихий водопад.

Хрустят шаги.
Вокруг ни зги.

Снежинки вьются с ветром в лад.

Баржи на скованной Пскове
В лёд вмёрзли неподвижной грудью.
Шагай и радуйся безлюдью,
Тони в морозной синеве!

Гостиный двор
Рядами нор

Зияет холодно и чётко.
Сквозь снег лампада рдеет кротко.
Вверху — декабрьских звёзд узор, —

И белый пух
Безмолвных мух

Вкось тихо вьётся за забор.

А ветер, свежестью пьяня,
Над башлыком кружит, бездельник.
В окне сверкнул, дробясь, сочельник...
Здесь — в этом доме — ждут меня.

Горит лицо...
В снегу крыльцо.

Сквозь войлок — топот детских лапок.
В передней груды шуб и шапок,
А в зале в блёстках — деревцо.

Встряхнёшь сюртук,
Пожмёшь сто рук —

И влезешь в шумное кольцо.

О белоснежный, круглый стол!
Узвар из терпких груш так лаком...
Кутьи медовой зёрна с маком,
Висячей лампы частокол...

Куда-то в бок
Под потолок

Струится пар из самовара.
В углу гудит-бубнит гитара,
Краснеет докторский висок, —

И томный бас
Пленяет нас

Под самоварный говорок...

Но в зале плавною волной
Вальс из-под клавиш заструился.
Цуг пар вокруг ёлки закружился...
В окне — лес перьев ледяной...

Сквозь блеск свечей,
Сквозь плеск речей
Следишь, как вихрь гудит на крыше,
И в сердце вальс звенит всё тише,
И кровь стучит всё горячей...

А за стеной,
Как дождь весной,
Ребячий говор всё звончей.

Там в детской шумный, вольный пир.
Как хорошо у тёти Вали!
Старушка няня в пёстрой шали
Ей-ей не страшный командир...

Пьют чай, пищат,
А в пальцах — клад —
Игрушек ёлочных охапка.
Стреляет печка — ей не зябко!
Кадет, пыхтя, сосед оршад.

Домашний кот,
По кличке Жмот,
Сел у огня и греет зад...

За ёлкой — тёмный уголок...
Трещат светильни, пахнет хвоей.
Телеграфиста с пухлой Зоей
Сюда толкнул лукавый рок.

Сейчас, сейчас
Сей лоботряс,
Хватив для храбрости мадерцы,
К её туфлям положит сердце, —
Уж трижды крикнул хриплый бас...

Дрожит слегка
Её рука...
Я не завистник. В добрый час!

Но поздно... В милой толкотне
В передней возишься с калошей.
Двор спит. Склоняясь под снежной ношей,
Берёзка никнет в тишине.

Разрыв постель,
Шипит метель...
Молчат пушистые часовни,
Визжат раскатистые дровни.
В безлюдном сквере стынет ель.

Скрипят шаги.
Вокруг — ни зги.
Снежок заводит карусель...

РОДИЛСЯ КАРЛИК НОВЫЙ ГОД...

Родился карлик Новый год,
Горбатый, сморщенный урод,
Тоскливый шут и скептик,
Мудрец и эпилептик.
«Так вот он — милый божий свет?
А где же солнце? Солнца нет!
А впрочем, я не первый,
Не стоит портить нервы».
И люди людям в этот час
Бросали: «С Новым годом вас!»,
Кто честно заикаясь,
Кто кисло ухмыляясь...
Ну, как же тут не поздравлять?
Двенадцать месяцев опять
Мы будем спать и хныкать
И пальцем в небо тыкать.
От мудрых, средних и ослов
Родятся реки старых слов,

Но кто ещё, как прежде,
Пойдёт кутить к надежде?
Ах, милый, хилый Новый год,
Горбатый, сморщенный урод!
Зажги среди тумана
Цветной фонарь обмана.
Зажги! Мы ждали много лет —
Быть может, солнца вовсе нет?
Дай чуда! Ведь бывало
Чудес в веках немало...
Какой ты старый, Новый год!
Ведь мы равно наоборот
Считать могли бы годы,
Не исказив природы.
Да... Много мудрого у нас...
А впрочем, с Новым годом вас!
Давайте спать и хныкать
И пальцем в небо тыкать.

“ЗИМОЮ ВСЕГО ВЕСЕЛЕЙ...”

Зимою всего веселей
Сесть к печке у красных углей,
Лепёшек горячих поесть,
В сугроб с голенищами влезть,
Весь пруд на коньках обежать
И бухнуться сразу в кровать.

Весною всего веселей
Кричать средь зелёных полей,
С барбоской сидеть на холме
И думать о белой зиме,
Пушистые вербы ломать
И в озеро камни бросать.

А летом всего веселей
Вишнёвый обкусывать клей,
Купаясь, всплывать на волну,
Гнать белку с сосны на сосну,
Костры разжигать у реки
И в поле срывать васильки...

Но осень ещё веселей!
То сливы срываешь с ветвей,
То рвёшь в огороде горох,
То взроешь рогатиной мох...
Стучит молотилка вдали —
И рожь на возах до земли...

СЕРЕБРЯНАЯ ЁЛКА

Над лесной полянкой кружился снежок. Завивал хороводы белых пчёл, пудрил взлохмаченные кусты можжевельника. Пухло и мягко, волнистыми валами ложился у подножия молчаливых заиндепевших берёз.

Луна светила полным светом. Висела в небе, словно натёртое фосфором блюдо, синим фонарём озаряла все лесные закоулки, проталины и овражки.

А посреди полянки лёгкой резной пирамидкой дремала пышная ёлочка. Снег осыпался с широких лап, бездельник ветер взбивал его мутным дымом с верхушки. Чего жалеть? Экая невидаль — снег! Ишь, сыплет и сыплет без конца.

На гибкой рябинке захлопали крылья.

— Кра! Есть кто-нибудь в лесу?

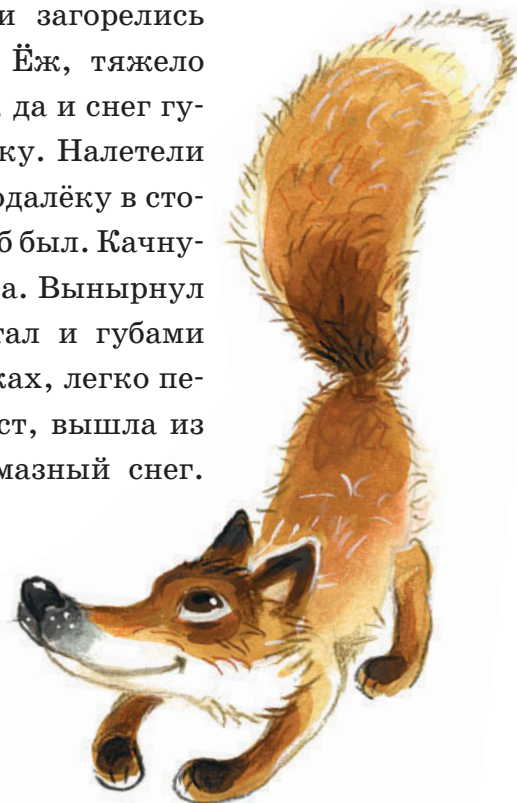
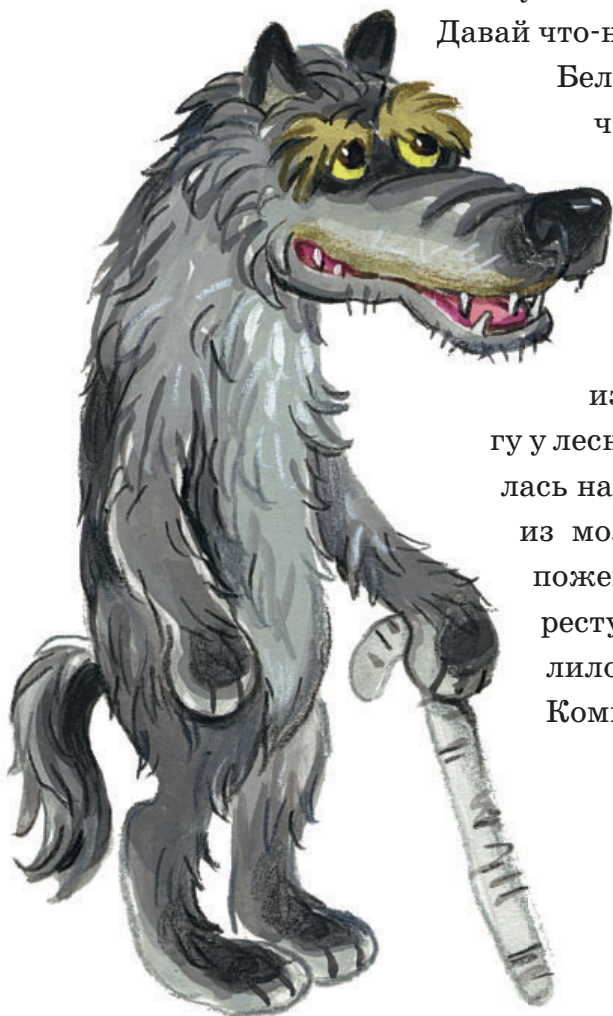
— Есть! — запищала белочка с дуба. — А тебе чего надо?

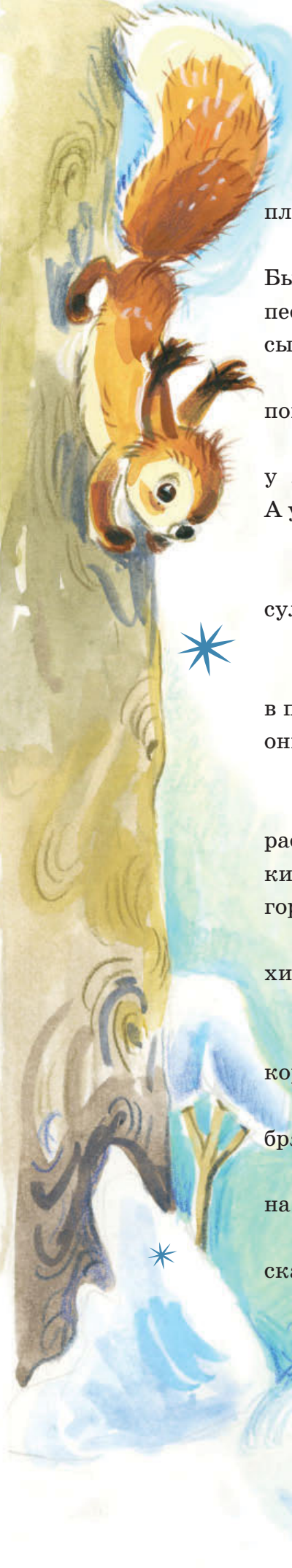
— Скучно! — каркнула ворона. — Посвищи зверей.

Давай что-нибудь придумаем.

Белка свистать мастерица. Щёлкнула так, что по всей полянке раскатилось. Ещё? Можно и ещё!

Зелёными светляками загорелись в кустах волчьи глаза. Ёж, тяжело пыхтя — одышка у него, да и снег густой, — выполз на полянку. Налетели из чащи зябкие воробьи: неподалёку в стог у лесной сторожки у них свой клуб был. Качнулась на ольхе длиннохвостая сорока. Вынырнул из можжевельника заяц, привстал и губами пожевал. Лисица, словно на лыжах, легко переступая и плавно вытянув хвост, вышла из лиловой тени на сияющий алмазный снег. Компания немалая.

— Что же делать будем? — спросила белка, головой вниз распластавшись на дубовой коре.

— Кра! — Ворона стряхнула попавший ей на темя снежок. — Была в городе. Весело! Огни горят. В каждом доме ёлка. Блеск, пестрота, золотые шарики... Дети вокруг пищат... А мы тут, как сычи, по лесным углам сидим. Давайте устроим ёлку!

Заверещало зверьё, затрещали птицы. Очень им затея эта понравилась.

— А как? — простуженным голосом спросил ёж. — Я тоже у людей жил когда-то: у них свечки, игрушки, ленточки. А у нас — ничего.

У него, бедняжки, выдумки никакой не было...

— Зачем свечки, муфта колючая? — закричала белка. — Со-сулек на мшинках повешаем. Луна их и осветит.

— Кра! — каркнула ворона.

— А я рыбок принесу, — ласково пропела лисица. — Внизу в проруби верша торчит, я её так с рыбками и приволоку. Ведь они как серебряные... Сами светить будут, да ещё и подрыгают!

— Кра! — похвалила ворона.

— Киль-киль-киль... — Сорока слетела на нижнюю ветку и растопырила хвост. — А у меня в дупле есть жестяные обрезочки, серебряное ситечко и стекляшки с люстры. Я ещё летом из города перетаскала...

— Слушайте! Квик! — щёлкнула белка. — У меня есть орехи...

— А чем ты их оклеишь? — спросил ёж.

— Молчи, муфта! Окуну их в прорубь, вытащу, они ледяной корочкой покроются... и будут как серебряные.

— Ах! — запищал заяц. — У нас будет совсем, совсем серебряная елка.

— А мы что будем делать? — спросили слетевшие кольцом на снег воробьи.

— Вы отряхнёте с ёлки снег. Сверху донизу! — сказала ворона. — Ну, живо все за работу!

Чудесная вышла ёлка! Лунный свет дробился на льдинках — и свечей не надо. Рыбки блестели, переливались и вздрагивали хвостиками: им-то, бедным, одним ёлка не в радость была. Звери вокруг затоптались хороводом — впереди волк, за ним лисица, и так все поменьше: заяц, ёж... до крохотных воробьёв.

Сорока тут же и песенку придумала — что ж за хоровод без песни...

Дзинь! Месяц светит.
Дзинь! Снег идёт...
Кто нас тут заметит?
Кто нас тут найдёт?

Дзинь! Друг за дружкой...
Дзинь! Поскорей...
Закружим вертушкой
Хоровод зверей...

Дзинь! Наша ёлка,
Дзинь! Лучше всех...
Подгоните волка!
Дёрните за мех!

Ух, как закружились! Сова с осины круглыми глазами посмотрела, нахохлилась и крыльями развела: вот сумасшедшие. А заяц от хоровода оторвался, голова закружилась, да на толстый сугроб за можжевельником с разгону налетел и провалился.

И вдруг, подумайте только, зашевелился сугроб, сучья затрещали, и огромная мохнатая туша вылезла и пошла горой на полянку, фыркая и ворча.

— Дядя Миша! Дядя Миша!

Медведь только головой тряс, да зевал, да лапой глаза протирал:

— Фу, лешие! Что такое? Почему меня разбудили? Что за безобразие! В середине зимы сна лишили! Как я теперь опять засну? Кто ко мне в берлогу ввалился? Признавайся!

Заяц под ёлку забился — молчок. Где ему с медведем связываться?

А белка храбрая: поймай-ка её! Вскочила медведю на спину и пищит:

— Дядя Миша! Дяденька Мишенька! Да ты не ворчи. Рождество сегодня. Кто ж теперь спит? У нас ёлка, посмотри!

Поворчал медведь, да и сам разошёлся: первый хоровод повёл, и так толково, точно век танцмейстером был.

А потом, когда наплясались, под ёлкой пировать сели. Белка за орехи, лисица за рыбку, воробьи за рябину, а волк стал было на зайца посматривать...

Только слышат: ших-шах...

Кто-то по лесу на лыжах

идёт. Точно ветром смело птиц и зверей. Тишина. Рыбки на ёлке подпрыгивают, на серебряном ситечке лучик дрожит.

* * *

Вышел на полянку лесник. Что за чудо! Горит-переливается ёлка синими огоньками. Подошёл поближе и по валенкам себя руками хлопнул. Чудо и есть... Да что ж много думать: уложил в мешок рыбок, орехи, ситечко да стекляшки и весело понёс к себе в лесную сторожку. Вот ребята-то обрадуются!!!

ЛЕШИЙ НА ЁЛКЕ

В лесной чаще дымился снежок. Сверху падала мелкая крупа, снизу над сугробами курилась снежная муть, ветер всё перемешал, смешал — весь лес затянул мглистою белою пылью.

На голой верхушке дуба шуршали ржавые листья. Тростник у замёрзшего ручья качался, скрипел, переливался снежным бисером — инеем. Засинели ранние сумерки.

Под широкой, с лапами до земли, ёлкой сидел старый леший, сосал ледяную сосульку, посматривал сквозь мохнатый снежный шатёр ветвей и зевал.

Заяц, проваливаясь по уши в сугробы, тяжело проскакал, взбрасывая куцый хвостик, к больничной ограде — туда стряпуха вместе с золой капустные кочерыжки выбрасывала. Лисица, раскинув пышную рыжую метёлку, шаг за шагом, отряхая мягкие лапки (холодно!), осторожно прокралась к опушке — авось глупая галка на дороге зазеваётся. Белка шишку в лапках повертела с одного конца, потом с другого и уронила, лешего по колену щёлкнула. Ишь, чёрт вертлявый! Ворона над головой закопошилась, снег крылом задела, полетела вниз холодная вата, прямо лешему на нос.

Нигде покоя не найдёшь. Бросил леший огрызком сосульки в ворону, спиной о шершавый ствол потёрся... Блохи одолели. В шубу набились, жгут мелким огнём, ничем их не выкуришь.

Потянулся старый, в локтях кости хрустнули. Вылез на проселочную дорогу и застыл.

Идти к леснику на полянку в стожок спать? Или рябины пожевать? Вон за елью алые кисточки висят, морозомхватило, — чудесная закуска!

Приложил мохнатую руку к косматым бровям, посмотрел вдаль и свистнул.

Что за штука? Почему у школы суeta такая? Праздник ведь, занятий нету. С утра ещё поволокли туда ёлку, школьники сегодня весь день в лесу мелькали, кто пеший, кто в дровнях с отцом... Чего они

там галдят, как галки на колокольне? Вокруг школы расселись, смеются...

Зоркий глаз у лешего, чуткое ухо — и сквозь снежную мглу всё увидит, услышит. Ветер притих. Снег улёгся. Сквозь еловые метлы над головой звёздными кусками засквозило тёмно-синее небо.

Ого-го! Ишь, как горланят... От ствола к стволу леший подкрался ближе — притаился.

С крыльца и с лужайки перед школой всех людей точно в воронку в школьную дверь гуськом втянуло. Скрипит блок, кирпич на верёвке о дверь хлопает. Во всех четырёх окнах забежали, замелькали огоньки, и вспыхнуло, переливаясь светлым колоколом, знакомое лесное дерево. Ёлка! Писк-то какой... В чём дело? По какому случаю?

Все в школе. Мохнатые лошадёнки, привязанные у раkit к низкому плетню, жуют сено, головами встряхивают. В дровнях солома и серое тряпье-дерюга торчком...

Кто скрипит-переваливается? Не медведь ли? Ух, косматый какой, ростом с верстовой столб... Затопотали лошадёнки на месте, зады поджимают, глазами косятся. Брякнули колокольчики.

Леший испугался:

— Тише вы, тпру! Лешего не признали, лесного хозяина? Но-но! Не трону. Ёлку мне посмотреть интересно. Как бы на бубенцы ваши мужики не выбежали... Тпру! Кому говорю?

Притихли лошадки. Фыркают, ушами прядут, друг дружку мордами подталкивают. Хрустит сено. Месяц голубые хвосты вдоль улицы стелет. Тишина.

Леший припал к стеклу. Ничего, если кто на крыльцо и выбежит воздуха морозного глотнуть, никто его, лешего, не распознает, — старый дед в овчине, может, мельник, а может, и лесник, пусть смотрит...

А в школе чудеса в решете. Ёлка выше печки, золотые нитки светлой паутиной висят, золочёные орехи и зайчики ярче осенних листьев, разноцветные свечи, словно светляки, мигают-переливаются. И на самом верху ёлки — как это они её с неба достали? — сияет золотая звезда с серебряными лучами. А под ёлкой, под ёлкой что делается! Школьники за пазухи пряники прячут, в зелёные лапы ныряют — друг дружку ловят, дудят в пёстрые дудки, — па-стух на заре, конечно, складнее играет, да ничего — было бы весело... В дверях и вдоль стен мужики жмутся, ухмыляются в льняные бороды. Кое-кто тоже пряничком улыбку закусывает — от сына перепало.

Подал учитель знак, в ладоши захлопал. Взялись школьники за руки, и мальчишки и девчонки закружились вокруг ёлки хороводом и запели все враз весело и звонко:

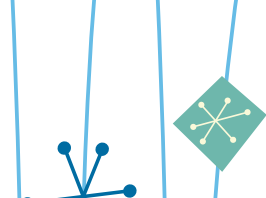
Коляда! Коляда!
Посконная борода!
Отпирай ворота,
Выноси пирога!
Отворяй окошки,
Подавай лепёшки...

Учитель тоже, даром что длинный да острый, как складная лестница, в хоровод вклеился, как телёночек подтягивает, коленками перебирает. Ай да Созонт Тимофеевич!

Потом — пляс. Скрипочку учитель вынес, пыль клетчатым носовым платочком обмахнул, к плечу приложил и пошёл... Соловей не соловей, козёл не козёл, а ничего веселее леший в жизни не слыхивал.

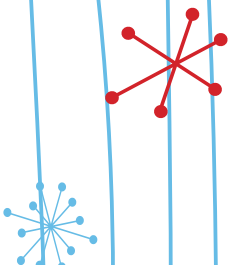

Васенька, школьного сторожа сын, да Таня, псаломщика дочка, в круг вышли (мальчишки их выпихнули), друг на друга соколами взглянули, топнули и давай откалывать. У Тани над головой рука с платочком, головёнка набок, словно и смотреть ей на Васеньку не хочется, летает вдоль круга, стрекозой носится, а мальчишка за ней. Ух ты! Корова его забодай... Такой клоп, от пола не видать, а смотри что разделявает... Мужички у дверей смотрят, любуются, валенками, как косолапые медведи, перебирают.

И у лешего коленки сами собой зашевелились. Да стыдно стало. Знакомый лесниковый пёс Мухомор рядом с ним, на задние лапы встав, тоже в окошко заглядывал. Неловко при нём степенному лешему приплясывать.

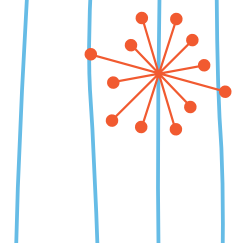
А звезда на ёлке, больше всего она лешему понравилась, дрожит — пол-то ведь трясётся, — дрожит-искрится... Глаз с неё леший не сводит.

Сидит леший на голой раките в школьном саду, ждёт-прислушивается. Гудит крыльцо, на морозе детские голоса и мужицкое кряканье далеко разносятся. Потянулись мимо плетня в обратный путь дровни, пузатые лошадки застоялись — бегут, и кнута не надо. Колокольчик один за другим в лесную чащу нырнул и сгинул. Разошлись и пешие из ближних деревень, да кто был здешний. Слез осторожно леший. Никто его не заметил — разберёшь разве в морозной мгле, шалаш ли в саду стоит либо леший на раките сидит...

Слез и прокрался от бани к колодцу, от колодца к школе. Темно в окнах. Лунный свет на полу оконный переплёт отпечатал.

Сторож Михей спать ушел — ослабел. Мужички ему в сенях поднесли, а какой же сторож от винца отказывается? И учитель, поскрипывая калошами, прошёл к себе наискось через белый выгон. Вон за больницей, в угловой избе, керосиновый язычок вспыхнул...

Потянул леший носом: человечьим теплом пахнет... Посмотрел вверх — форточка в окне настежь распахнута: забыл сторож прикрыть. Маленькие зелёные глазки под косматыми бровями загорелись, как зрачки у кошки, когда она с порога увидит, что дверь в чулан забыли прикрыть.

Щёлкнул леший языком, горсть снега для освежения в пасть забил и начал вытягиваться... На то он и леший: мог в вышину расти хоть до

сосновой верхушки, мог и до лопуха снизиться. Вытянулся леший, тонкий-тонкий стал, как камышинка. Закачался, склонился и сквозь форточку пролез, словно цепкий хмель вдоль шеста.

В комнате опять сократился до своей обычной лесной порции. Глаза зорки, лунный свет по полу и по стенам играет, — осмотрелся леший. Тесно ему — никогда в комнате не бывал. На стене карта: «Россия». Посмотрел, понюхал, не понял. Он и не знал — где ж ему знать? — что он сам в России живёт, в самом сердце её — в Орловской губернии, в Волховском уезде. А рядом с картой знакомое: таблица грибов. Ловко! Вон грузди, а вон сыроежки с оборочкой, а над ними тугой рыжик... Корявым пальцем потрогал. Что за штука! Все плоские... Как это так устроено? За таблицу посмотрел — ничего нет, гладкая стена. Крякнул и отошёл. В школьный шкаф сквозь стекло заглянул: на полках чучела синички, иволги, лазоревой сойки... Все знакомые! Пощёлкал им леший пальцами — не отзываются. Спят, что ли? Но почему же глаза открыты?

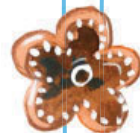
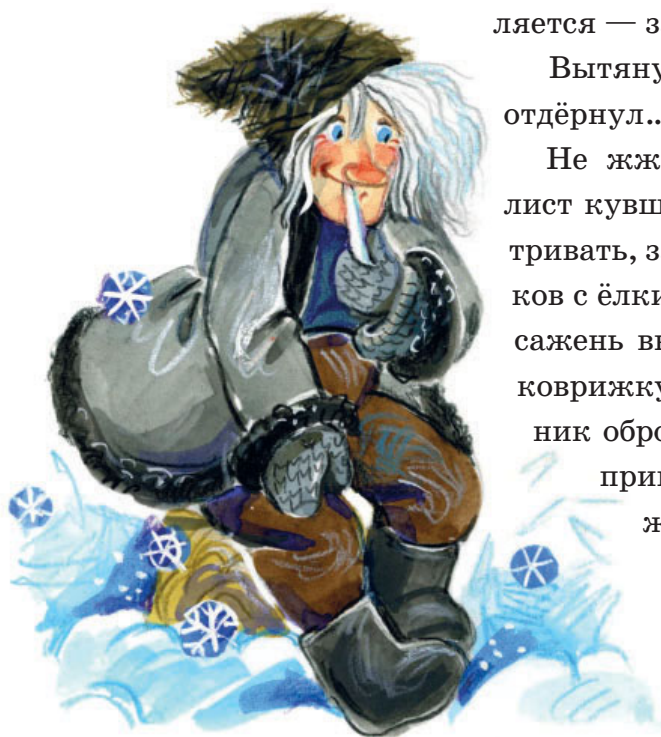
Подошёл к ёлке, покосился на зелёную верхушку и ахнул: звезду забыли снять!

Ужели пропустить такой случай?.. Вот как только её голой рукой взять? Помнит леший, как из забытого костра в лесу алый уголёк вытащил — поиграть, — волдырь (во какой!) на ладони вскочил.

Ничего, сорвёт, на пол бросит, а потом в тряпицу — вон в углу валяется — завернёт.

Вытянулся, вырос до потолка, протянул лапу... отдёргнул... опять протянул и хват за звезду.

Не жжётся! Совсем, совсем холодная, словно лист кувшинки. Не стал дальше ничего и рассматривать, зажал звезду в лапу, в другую горсть огарков с ёлки обобрал и сквозь форточку, в складную сажень вытянувшись, скорей на волю. У плетня коврижку-пряник на снегу поднял, видно, школьник обронил — пригодится, — и бегом, на ходу приплясывая и весело подхрюкивая, побежал, старый дуралей, к лесу.

Пёс Мухомор отошёл от лесной сторожки. Что такое? Почему огонёк в лесу под старой елью засветился? И второй. И третий.

Надо проверить: лесник-хозяин на ёлку в школу ушёл, не вернулся — у кума-кузнеца до утра застрял, — пёс за него хозяином в лесу остался.

Подкрался Мухомор к ёлке, за снежным бугром притаился... Высушил морду, глазам не верит...

Сидит леший под пушистой елью, свечки вдоль нижней ветки рядом золотыми глазами мигают, в одной руке у лешего звезда с ёлки, в другой — пряник... Задрал лохматую голову и тоненьким голоском (все слова перепутал) напевает:

Борода! Борода!
Посконная Коляда!
Отпирай пирога,
Выноси ворота!
Отворяй лепёшки!
Подавай окошки!..

А потом пряник на снег положил, звезду над головой поднял и давай приплясывать вокруг ёлки, все ухватки девочки Тани перенял...

Подполз пёс на брюхе поближе (леший его и не заметил — очень уж расплясался), обнюхал пряник и съел до крошки. Повернул назад к своей избушке, губы облизывает — вкусно! — и думает: задал ему леший загадку: «Как он свечки зажжёт без спичек-то? Откуда у него спички? И свечи откуда добыл и звезду... и пряник?»

Спички лешему ни к чему: у него и кремёнь, и кусок железной подковы, и трут — всё в лесу под камнем хранилось, — давно он у человека научился костры в лесу разводить. А откуда свечки, звезда и пряник — кто сказку эту прочёл, сам знает.

В круглой клетке, стоявшей посреди комнаты, завозился попугай. Ага! На часах в столовой пробило двенадцать. Лунный свет сквозь ажурные занавески дымной скатертью расстился по паркету. Попугай внимательно склонил хохлатую голову набок, поднял чёрную лапу и сказал:
— Полночь! Вещи могут разговаривать...

Кресло

Старое вольтеровское кресло плавно подкатило на колёсиках к окну, где было светлее, качнулось и по-стариковски тихо за скрипело:

— Охо-хо-хо... Кому как, а мне плохо. В правой передней ноге ревматизм, клёпка рассохлась, моль всю обивку проела. Разве так по-настоящему чистят? Служанка с щёткой пройдёт-ся, словно пудру с носа смахнет, а сама в танцкласс бежит как угорелая. Кот по грязным дорожкам нагуляется, прыг в окно и прямо на меня. Да он, мурло, и не понимает, что такое настоящее красное дерево и конский волос!.. Для него я поставлено? Кхи-кхи... Ну, ещё дети — понимаю. Я для них вроде дедушки, влезут с ногами, по ручкам башмачками колотят, я, видите ли, паровоз... Все мои кости распатали, кряхчу, но не жалуясь. Дети меня любят, и я их всей моей старой внутренностью обожаю... Очень уж они тёпленькие и смешные. Но почему же этот кошачий бандит наваливается-наваливается, а потом меня же начнёт когтями драть? Разве я точильный камень?.. Вот когда-нибудь возьму да перевернусь и раздавлю тебе пузо!

Пружина в кресле гулко стрельнула — очень уж у кресла нервы расходились. Плоская гарусная подушка медленно сползла на пол...

— Обморок?.. — цвикнул попугай. Он вспомнил, что в угловом шкафике лежит на полочке нафталин. Посыпать бы?.. Но как на короткой медной цепочке до шкафика дотянуться?

И вдруг с любопытством повернул голову. На стене еле слышно зазвенела мандолина.

МАНДОЛИНА

— Зиль-зиль! Нашло чем хвастаться! Из красного дерева... А я из палисандрового, и вокруг отдушины — резная черепаха, а по краю перламутровый ободок... И восемь струн звончей серебра, певучее журчащей воды... И никто на меня не садится: ни кот, ни дети, потому что я благородная вещь. Не граммофон какой-нибудь бездушный: всё по чужим голосам иголкой царапает, а своего нет. Зиль-зиль... Бабочка в окно залетит, на струну сядет, и я нежно откликаюсь: «длинь»... Это вам не пружина в кресле.

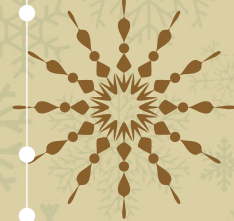
Качаюсь на стене и отдыхаю. И не бородатой щёткой меня чистят, а замшевой тряпочкой... Да и служанку, боже упаси, хозяйка ко мне на три шага не подпустит. Это тебе не кастрюля.

Да, да. Настанет золотой сентябрь, уложат меня в тёплый футляр, чтобы я не простудилась и не отсырела, и повезут в Италию... Кто ещё в этой комнате бывал в Италии? Кастаньеты? Да, да, знаю. Вы с острова Капри, но вы ведь не музыкальный инструмент, а так себе — трещотка из лимонного дерева. Пожалуйста, не перебивайте, когда старшие говорят.

Поеду в Италию, далеко на юг. Внизу полукругом васильковый залив, сверху дымится большая крутая гора, а по склонам белые кубики — дома, дома, дома... Неаполь! О, как я там буду играть. Соловьи в оливковых рощах умолкнут от зависти...

Это моя родина, можете не сомневаться. Если поднести меня к свету, внутри ясно виден мой паспорт из мастерской Джузеппе Сакелари, Наполи. Зиль-зиль! Теперь вы понимаете, что я не какой-нибудь барабан, по которому хозяйкин сынок колотит ложкой... И не простуженный граммофон, и не играющий ко-мод, который называется «пьянино».

Попугай чихнул, мандолина протяжно отозвалась серебря-ным баском: «дзав!» — и умолкла.

КОПИЛКА

Дремавшая на столе копилка захлопала своими свинными ушами, заморгала узень-кими глазками и задрезжала:

— Она из мастерской Сакелари! Восемь звонких струн! Важное дело!.. Ты лучше скажи, что у тебя внутри? Пустота. А у меня что внутри? Монетки. И на мои монетки хоть сто струн купить можно, и булавку для галстука, и даже несгораемую шкатул-ку. Ты поёшь? Это всякий шмель может, и никому это не нужно. Хрю-хрю! Самое главное — с достоинством стоять на одном месте и знать, что ты не пустая. Каждый день в меня опускают по монетке. Это очень приятно: я становлюсь тяжелее, солиднее и на всех вас смотрю сверху вниз. Хрю! А ког-да я наглотаясь по самую щёлку...

МЯЧ

— Тебя кокнут молотком между ушей и черепки выбросят в грязное ведро, — весело рассмеялся полосатый мяч на полу и, подпрыгнув выше стола, хлопнул свиную голову по темени. — Хозяйский мальчик ко дню рождения своей мамы накупит фейерверков, и полетят все твои монетки разноцветными мячиками к небу! Паф! Больше ничего. Весело и красиво...

Все вы тут ничего не понимаете. Кресло давно пора отправить на чердак, оно совсем не модное и похоже на старую жабу, набитую утюгами... Стреляй, стреляй своей пружиной, очень я испугался!

Мандолина тоже могла бы быть поскромнее. Разве она может прыгать? Правда, она тоже немножко похожа на мяч: пузатая и полосатая, но брось-ка ее на пол, крак — и готова!

Самое главное, быть весёлым и прыгать во что бы то ни стало, куда попало... Ай!

Мяч хлопнулся в корзинку для бумаги, стоявшую у стола, и завяз. На тумбочке у буфета проснулся самовар.

САМОВАР

— Ки! Ки-ки-ки! Позвольте и мне поговорить немножко... Я могу пищать только шёпотом, потому что во мне нет ни воды, ни углей. Вы все тут иностранки: копилка — немка, кресло — француженка, мандолина — итальянка. А я русский, природный туляк! Так как вы живёте в русском доме, то вы должны меня выслушать. Я ненавижу кофейник! Его ставят на плиту каждый день, а обо мне забыли... У меня на груди восемь русских медалей, и я не из мастерской какого-нибудь Джузеппе

Сакелари, прошу заметить: я родился на знаменитой фабрике Баташёва в Туле. Можете убедиться!

Кроме кофейника, у меня множество врагов: минеральная вода «Виши», столовое красное вино, сидр, молоко и прочие зловердные напитки. Нет ничего лучше чая! Но разве здесь умеют пить чай? Ставят на газовую горелку неуклюжий, пузатый алюминиевый чайник, обматывают его, чтоб не остыл, в берлинскую попонку и в таком позорном виде ставят на стол.

Почему меня забыли? Где моя любимая самоварная труба? Куда девались мои чёрные шишечки с крышки? Ки-ки-ки! Почему не исправят моей погнувшейся конфорки?.. Служанка раз в месяц чистит меня каким-то уксусным французским составом и смеётся: «Ну ты, старый пароход, не вертись, пожалуйста!» А дети называют меня «тульской пушкой» и запихивают мне в ноздри сквозь кран обгорелые спички. Бедный я, беденький!..

ПАЯЦ

Паяц сидел на камине, свесив вниз тонкие, как макароны, ручки и ножки. На белом, словно обмазанном извѣсткой, лице ровными шнурочками чернели брови, большие бессмысленные глаза смотрели на лунное пятно на паркете, маленький рот — вишенкой, словно собирался свистнуть. Что это самовар так распищался?..

Попугай снова чихнул. Паяц встряхнулся, скрестил длинные ножки и вялым голоском, дурашливо подпрыгивая на камине, запел:

В доме спят. Тихо-тихо...

И луна так светит мило.

Отчего меня портниха

Ватой пухлою набила?

Режет ниточка под мышкой

Ручки, ножки, словно плетъ...

Я хотел бы быть мальчишкой,

Чтобы прыгать и шуметь...

Посадили на камин,

Спрыгнул вниз бы, да опасно...

Третий день сижу один

И тоскую понапрасну...

В голове и в сердце мякоть,—

Таракан и тот живой!

Не умею даже плакать...

Хлопнусь об пол головой!

И хлопнулся. Мягко, словно подушка упала... А сбоку на этажерке тихий шорох прошёл... Зашелестели страницы, солидно заскрипели корешки переплѣтов... Это заговорили книги.

КНИГИ

— Вот, только позволь им поговорить... Каждый о себе: какой он несчастный да какой он хороший... А мы рассказываем о всех и за всех. Мы помним всех прежних хозяев вольтеровского кресла, мы знаем, какую песенку напевал мастер, когда полировал ножки красного дерева... Мы помним даже, как много лет назад мальчишка-итальянец пробовал играть на вот этой старой мандолине, как лопнула струна и больно щёлкнула его по лбу. Наши страницы расскажут вам о прежней свободной жизни попугая... Чудесная жизнь! А сколько повестей знаем мы о людях, по карманам которых бродили маленькие монетки, лежащие теперь в глупой свиной голове копилки. И о вашем будущем мы тоже кое-что знаем. Паяца подарят девочке прачки. Она будет его возить в грязной тачке, и он весь перемажется, но зато будет счастлив и излечится от своей меланхолии. Мандолина в Италию осенью не поедет, глупости... Осенью приедет из Болгарии племянник хозяйки, получит в подарок мандолину и заставит её петь русские песни. Право, они не хуже неаполитанских... Кресло к Рождеству обтянут новым малиновым репсом, оно давно заслужило, чтобы его нарядили в новое платье... А мы попадём в русскую библиотеку, будем переходить из дома в дом и рассказывать всё, что в нас написано. Потреплют нас порядком, но что же, это и есть настоящая жизнь. И вот тогда...

Что будет тогда, книги не успели договорить. Часы в столовой зашипели и гулко звякнули: «Бан!»

— Час ночи! — задирая за голову лапу, закричал попугай. — Вещи должны замолчать.

Старая птица хорошо знала все ночные правила, и, уж пожалуйста, никто не смел ей прекословить.

EAC

